

Л. В. Ландина

Коммеморация как объект междисциплинарного знания

Рассматривается феномен коммеморации как объект дисциплинарного знания в системе гуманитарных наук. Коммеморация, выступающая в качестве визуализации коллективной памяти с целью сохранения общественно значимых нарративов, присуща всем культурам и фиксируется с древнейших времен. Тем не менее научный интерес к коммеморации и коммеморативным практикам наблюдается лишь с последней четверти XX в. В настоящее время междисциплинарный характер в изучении данного явления принят как исходная данность. Вместе с тем необходимо рассмотреть его более подробно: с одной стороны, для подведения определенных итогов, с другой – поиска перспективных возможностей научной рефлексии.

Ключевые слова: коммеморация, коммеморативные практики, междисциплинарность, методология, гуманитарное знание, социология, философия, культурология.

L. Landina

Commemoration as an object of interdisciplinary knowledge

The article is devoted to the disclosure of the phenomenon of commemoration as an object of disciplinary knowledge in the humanities system. Commemoration is inherent in all cultures and has been recorded since ancient times. It acts as a visualization of collective memory in order to preserve socially significant narratives. However, commemoration and commemorative practices became the subject of scientific research only from the last quarter of the 20th century. At present, the interdisciplinary character in the commemoration study is accepted as a kind of initial given but there is a need to consider this circumstance in more detail. At the same time, it is necessary to consider it in more detail: on the one hand, to summarize certain results, on the other hand, to search for promising opportunities for scientific reflection.

Key words: commemoration, commemorative practices, interdisciplinarity, methodology, humanitarian knowledge, sociology, philosophy, cultural studies.

В гуманитарном знании постсоветского пространства термин «коммеморация» появился в последние десятилетия и занял понятийное поле целого ряда гуманитарных наук. При этом рассматриваются как концептуальные аспекты коммеморации в философии, социологии, культурологии, истории, социальной психологии, антропологии, так и прикладные – в исторической политике, музеологии, искусствоведении, педагогике. Междисциплинарность исследований в области коммеморации очевидна вследствие применения к ней подходов философии, социологии, культурологии, истории, а также их специализирован-

ных напраўлений – культурнай антропалогіі, історыі повсяднёвасці, мікрасісторыі, семіотыкі, іскусстваведчага аналізу, сацыяльнай псіхалогіі і т. д. Для ізаучення камемарацыі прымяняюцца феноменалагічны, семіотычны, аксіалагічны, каммунікатыўны, інстытуцыянальны, іскусстваведчы падходы, прычём у большасці выпадкаў у камбінаваным выглядзе.

Множасце форм і ўсеагульнае распаўсюджванне з’яўлення аб’ясняюць адсутнасць ісчерпываючага вызначэння камемарацыі. У якасці удачнай ісходнай дэфініцыі цэласообразна прыняць вызначэнне М. Л. Шуб: «Пад камемарацыяй разумеецца савакупнасць публічных каллектыўных практык, напраўленых на фарміраванне каштоўнасцей і маделей паводнення праз рытуальна аформленае ўтрыманне і ўспроізавадненне (паўтараенне) у актуальнай культуры значымых для групы, сімвалічыска выражаных селектыўных прадстаўленняў аб мінулым. Найбольш значымымі прызнакамі камемарацыі з’яўляюцца яе каллектыўны характар, публічнасць і інстытуцыянальнасць» [25, с. 30]. У гэтым вызначэнні цэнна патэнцыяльная шырыня разгляду як саміх камемаратывных практык, так і прызначанай для іх успрыятця аўдыторыі. М. Л. Шуб абаснавана адзначае, што «тэрмін “камемарацыя” у падаўляючым большасці гуманітарных ісследаванняў іспользуецца скорее інтуітыўна. Разныя аўтары пад камемарацыяй разумеецца самыя разныя феномены – ад помінавання як таковага да ісключітэльна прадзнічна-мемарыяльных мерапрыятцяў» [28, с. 162].

Вместе с тем в ряде случаев нельзя не признать уместность «интуитивного» применения понятия. Например, в статье О. В. Колтан о формировании национальной идентичности учащихся камемарацыя разумеецца ў шырокім сэнсе – як усё, што звязвае чалавека з яго мінулым, і ў ўзкім – увекавечыванне памяці аб збыттах, саоруженні памятнікаў, арганізацыя музеяў, вызначэнне знаменатэльных дат, прадзнікі, масавыя мерапрыятця і многае другое [8, с. 223]. У ісследаваннях па антропалогіі і этнаграфіі С. В. Грунтава [6] і А. Н. Глазко [5] акцент зроблены на помінаваннях, пахарах і памятніках на кладбітцах у рамках персанальнай ці сямейнай памяці, што расшырае прывычнае разуменне камемарацыі як афіцыйнага дзеяння ў публічным прастранстве.

Історыяграфічыскае рэфлексія праблем камемарацыі указвае на наступныя асабеннасці іх сучаснага разгляду. У-першых, іспроісходзіць інтэнсіўнае ўсваенне метадалогічыскага падыходу, сфармуліраваных аўтарамі Западнай Еўропы і США, абраццёнае да саотвётствуючым вывадам і работам котрых абязатэльна практычыска ў любой наўчнай публікацыі. У-вторых, наблідаецца нацэленнасць ісследаванняў на ізаучэнне канкрэтных абласцей іспроізаваднення камемарацыі – ад архіўнага дэла да ўспітання ўчынікаў сярэняй школы,

что естественно при всеобъемлющем характере коммеморативных практик и целесообразности их изучения на основе определенного материала. В-третьих, отсутствует четкая методологическая база проводимых исследований, что объясняется упомянутыми выше обстоятельствами. «Есть два общих места в рассуждениях об исследованиях культурной памяти и политики памяти. Во-первых, это подчеркивание междисциплинарного характера этих исследований. Во-вторых, это сожаление по поводу того, что подлинного методологического синтеза подходов разных дисциплин к этой проблематике пока не произошло, и констатация некоторой (предполагается, что временной) нечеткости методологических подходов», – отмечает А. И. Миллер [9, с. 4].

Большое количество работ, посвященных коммеморации и коммеморативным практикам, принадлежит российским исследователям Л. П. Репиной (коммеморация и историческая память) [14], М. Л. Шуб (концептуализация и формы репрезентации прошлого) [25–29], Е. О. Васильевой (коммеморация в современной живописи) [3], Т. Н. Ивановой (коммеморация в университетском пространстве) [4], Е. В. Романовской (коммеморация и идентичность) [15], Е. А. Ростовцеву (университетская коммеморация в ретроспективе) [17] и многим другим.

Белорусские авторы также сделали свой вклад в *memory studies*. В первую очередь необходимо указать на комплексное исследование в области коммеморации в культурном пространстве города, проводимое культурологом О. М. Соколовой [19–22]. Историческая память в ее различном выражении анализируется философом и культурологом О. М. Ростовской [16]. Теоретические аспекты коммеморации и коллективной памяти в свете методологии Э. Дюркгейма и современная их рефлексия проанализированы социологом И. С. Сульжицким [23]. М. Ф. Шумейко как историк-архивист на примере документального наследия В. И. Пичеты продемонстрировал коммеморативные функции личных архивных фондов [30]. Важные тезисы для осмысления коммеморативных практик и «мест памяти» как структур повседневности малых групп и отдельной личности содержатся в статьях этнографов и антропологов С. В. Грунтова и А. Н. Глазко. В первом случае речь идет о «местах памяти» и мемориальной культуре белорусов в начале XX в. [6], во втором – о похоронно-поминальной обрядности городского населения Беларуси [5].

Актуальность сохранения культурной и исторической памяти подчеркнута в публикации белорусского социолога Н. Л. Мысливца [10]. Коммуникативные, поколенческие и воспитательные аспекты коммеморации в работе со студентами и учащимися средних школ рассмотрены в статье историка И. И. Калачевой, философа Н. В. Ефимовой, социолога

И. В. Пинчука [7], а также статьях историка С. А. Пивоварчика [12], педагога О. В. Колтан [8] и др.

Рассматривая многогранность и комплексность феномена коммеморации, логично в качестве исходной позиции проанализировать семантику термина. Английское слово «memory», французское «mémoire» означают «память». Термин «коммеморация» французского происхождения, введен в научный оборот французскими историками и в оригинальном написании выглядит как «commémoration». Суффикс «-tion» указывает на абстрактность понятия, также на состояние или действие. Буквально слово «коммеморация» можно перевести как «памятование», в пользу чего говорит также английский перевод слова «коммеморативный» («commemorative») – памятный.

Коммеморация выступает одним из важнейших средств формирования коллективной памяти. «Чаще всего я вспоминаю о чем-то потому, что к этому меня побуждают другие, что их память помогает моей памяти, а моя память опирается на их память», – пишет М. Хальбвакс [24, с. 28]. Коллективная память аккумулирует и транслирует социальный опыт. Не будет преувеличением утверждать, что все виды общественного сознания – от обыденного уровня до философского осмысления – в значительной мере выступают результатом эволюции и функционирования коллективной памяти. Коллективная память – это память семьи, рода, этнического, локального, конфессионального сообщества, профессиональной группы, социального слоя (от элитарного до стигматизируемого), этноса, нации, государства и других устойчивых социальных структур, определяемых в пространстве и времени.

Коммеморативные практики формируют и поддерживают коллективную память, идентичность, поведенческие модели, моральные установки и другие, производные от названных характеристики социальной группы. С указанных позиций коммеморация является предметом рассмотрения *социологии*. Достаточно обратиться к фундаментальному наследию Э. Дюркгейма и М. Хальбвакса. «Память есть социальный факт», – указывает М. Хальбвакс [Там же, с. 18]. При этом важно учитывать пространственную и временную конкретность памяти. Не только содержание воспоминаний имеет локализацию во времени, но и припоминание имеет «временную и социально-классовую датировку». Соответственно, возникает возможность и необходимость «создать историю памяти, т. е. исторически описать процесс, в ходе которого люди совместно учатся или разучаются что-либо помнить» [Там же].

У каждого человека есть собственная, не совпадающая ни с чьей другой память, но в конечном итоге она не только выступает как отдельный аспект групповой памяти, но и наши оценки и размышления применительно к воспоминаниям соотносятся «с мыслями, поступающими к нам из социальной среды» [Там же, с. 184]. Подчеркивая тот факт, что

каждый человек, образно говоря, является героем своего времени, что коллективная память социокультурно детерминирована, М. Хальбвакс заключает: «Коллективные рамки памяти не образуются задним числом при сочетании индивидуальных воспоминаний, но и не являются просто пустыми формами, в которых откладываются приходящие извне воспоминания... напротив, они служат орудием, которым пользуется коллективная память для воссоздания таких образов прошлого, какие в данный период согласны с господствующими идеями данного общества» [Там же, с. 30].

С позиций *культурологии* коммеморация является формой культурной памяти и передачи традиции. Каждая культура, по мнению Я. Ассмана, образует нечто, что можно назвать коннективной, или связующей, структурой, объединяющей людей в социальном и временном аспектах. Как символический «мир смысла» коллективная память связывает человека с его современниками, создавая общее пространство опыта и деятельности. Коллективная память связывает также «вчера» и «сегодня», формируя и удерживая в памяти воспоминания и опыт [2, с. 15].

В рамках семиотического подхода в культурологии коммеморация выступает как трансляция текста культуры, смысл которого может быть воспринят и интерпретирован. Позиционируя коммеморацию как совокупность публичных коллективных практик, направленную на формирование определенных ценностей и моделей поведения, М. Л. Шуб обращает внимание на основную семиотическую составляющую указанных практик – коммеморативный символ: условный знак, выражающий представление о прошлом. В поле культурной памяти попадают не историческое событие или биография сами по себе, а тот ценностный символический «шлейф», который его сопровождает и называется коммеморативным символом [28, с. 162].

С точки зрения аксиологии культуры нельзя не согласиться с мнением М. Л. Шуб: «Когда общество или отдельная группа принимает решение о сохранении в коллективной памяти того или иного события или личности, они одновременно принимают решение о формировании определенных ценностных ориентаций и моделей поведения у своих современников и потомков» [26, с. 80].

Посредством выстраивания системы символов, имеющих значимое ценностное наполнение для конкретного сообщества, коммеморация обеспечивает передачу и транслирование культурной памяти. В этом смысле верно утверждение А. Ассман о том, что «культурная память покоится на таком носителе, как передаваемые и воспроизводящиеся объективации в виде символов, артефактов, медиаторов, практик и их институций, в которых индивидуумы, будучи существами смертными, сменяют друг друга, однако передача и традиции обеспечивают долгосрочную значимость этих объективаций» [1].

В ракурсе *соцыальнай псіхалогіі* коммеморация выступае сродкам ідэнтыфікацыі і інтэграцыі сацыальнай групы. С адной боку, агульная памяць, падкрэпленая візуалізацыяй і паўторэннем значымых для групы нарратываў і сімвалаў, стварае супольнасць, звязаную агульным прошлым і традыцыяй, а з другой – унікальнасць традыцыі дазваляе весці гаворку аб унікальнасці групы і яе савакупнага вопыта. Абодва аспекта, нарматывны і нарратывны, аспект паучэння і аспект расказа, як паказвае Я. Ассман, ствараюць прыналежнасць, ці ідэнтычнасць, і даюць асобнаму чалавеку магчымасць гаворкі «мы» [2, с. 15–16].

Не менш важна кампенсаторная роля коммеморатывных практык. Рэаліі ХХ–ХХІ вв. вызвалі рэзкае размыццё нацыянальных, сацыяльных і культурных граніц, змянілі структуру эканомікі і занятасці насельніцтва, трансфарміравалі сямейныя і пакаленчыя адносіны. Агульнае інфармацыйнае прасторанства, маштабная міграцыя, крызіс традыцыйнай мадэлі сям'і, развіццё галінаў эканомікі, арыентаваных на прадастаўленне інфармацыі, тавараў і паслуг, узросшая мабільнасць насельніцтва і шэраг фактараў, вытворных ад названых, сутэсвенна змянілі як матэрыяльныя ўмовы жыцця, так і агульную сацыокультурную сітуацыю. Устойчыыя во ўвремем і прасторанстве этнічыя, сацыяльныя, тэрытарыяльныя і іншыя супольнасці, уключаючы сям'ю, аслабелі. Рэакцыяй на гэтыя працэсы, наступілыя ў рэзультате глабалізацыі, стала глакалізацыя, характэрызуемая стрэмлэннем да захавання самабытнасці, історычыскага і культурнага наследдзя б'ольшых і малых груп і рэгіянаў, асознаннем унікальнасці і цэннасці сацыяльнага і персанальнага жыццённага вопыта, а такжэ жаляннем зафіксавать усё, што аб гэтай унікальнасці сведчыцэвуе. П. Нора емко апісавал гэты працэс: «По мере исчезновения традиционной памяти мы ощущаем потребность хранить с религиозной ревностью останки, свидетельства, документы, речи, видимые знаки того, что было, если бы это все более и более всеобъемлющее досье могло стать доказательством неизвестно чего на неизвестно каком суде истории... Жажда помнить превращает каждого в историка самого себя» [11, с. 30, 32].

Важным кампанентам ў псіхалогічыскаму аспекце культурнаму памяці выступае траўматычыскаму сандром, явылыся рэзультатом сабытыяў, пережитых чалавечэсэвом ў ХХ в. «Поколения очевидцев тяжелейших в анналах человеческой истории преступлений и катастроф сейчас постепенно уходят из жизни. Сорок лет – рубеж эпох в коллективном воспоминании: срок, по истечении которого живое воспоминание оказывается под угрозой исчезновения, и насущной проблемой становится форма культурной памяти о прошлом», – адмечает Я. Ассман [2, с. 11].

Желание каждого быть «историком самого себя» характеризует именно социокультурную ситуацию второй половины XX в. Демократизация общества, реализация прав и свобод личности, обязательность среднего и максимальная доступность высшего образования, ставшего своего рода социальным стандартом, привели к существенным изменениям в мировосприятии личности и ее возможностях доступа к информации. Сейчас практически каждый при желании может ее собрать, обработать и более или менее грамотно изложить. Интернет-технологии и социальные сети предоставили неограниченные перспективы для самовыражения, а возможность фиксации, накопления и размещения сообщений в интернет-пространстве – к явлению, называемому М. Л. Шуб ретроманией. Для него характерны стремление к каталогизации, архивированию, сохранению следов прошлого, расширение мемориального поля, гипертрофированное раздувание функций памяти, демократизация исторического знания, стремление к реанимации прошлого в пространстве массовой культуры [25, с. 27]. Я. Ассман обращает внимание на феномен цифровизации и возможности внешнего хранения информации, что было невозможно до второй половины XX в. Указывая на искусственность такой памяти (не совсем понятно, однако, чем принципиально отличается информация в интернет-блоге от информации в печатном издании, кроме носителя. – Л. Л.), ученый отмечает революционный характер появления электронных средств фиксации и хранения информации, ставя их в один ряд с книгопечатанием и письменностью [2, с. 11].

Сохранение в социальной памяти информации о прошлом как факта, так и возможного множества его интерпретаций связывает ряд проблемных полей *исторической науки*, что особенно важно в подходах микроистории и социальной антропологии, т. е. при использовании информации, ставшей результатом «ретромании». «И в этих биографиях анонимов как не увидеть способ дать нам понять, что массы состоят не из масс? Как не прочесть в этих посланиях прошлого, данных нам микроисторическими исследованиями, стремление приравнять историю, которую мы восстанавливаем, с историей, которую мы переживаем сами?» – спрашивает П. Нора [11, с. 37–38].

П. Нора противопоставляет историю в ее позитивистском понимании как совокупность фактологических знаний и социологических схем новому качеству исторического знания в свете «истории-памяти». Говоря об историке, придерживающемся данной парадигмы научного поиска, ученый говорит о том, что «из взрыва истории – памяти возникает новый персонаж, готовый признать, в отличие от своих предшественников, интимную и личную связь между ним и его предметом изучения. Более того, готовый открыто провозгласить эту связь, углу-

бить ее, превратить ее из препятствия в рычаг своего познания. Потому что сам этот предмет всем в себе обязан субъективности историка, является его творением и созданием... Историк – это тот, кто мешает истории быть только историей» [Там же, с. 38–39].

Тем не менее нужно признать, что множественность «голосов современников» в режиме «здесь и сейчас» пока не воспринимается как значимая ценность для исторической науки. Как верифицировать и оценивать с позиций источниковедения содержание блога или комментария в Интернете? И стоит ли это делать, если исходить из того, что в интернет-пространстве может быть сомнительная или заведомо недостоверная информация? Однако такой подход ошибочен в перспективе создания исторического нарратива о том, что составляет сегодня нашу современность. Чтобы понять правомерность этой позиции, достаточно вспомнить проблему реконструкции применительно к отдаленным эпохам, при исследовании которых любая фрагментарная информация становится бесценной. Современные коммеморативные практики в ракурсе микроистории неизбежно станут источником для будущей исторической реконструкции, что обуславливает необходимость в новых подходах классификации и особенно критики источников, параметры которых, очевидно, претерпят значительные количественные и качественные изменения.

Указанные перспективы особенно обоснованны в свете интенсивного развития таких направлений исторической науки, как микроистория, история повседневности, наконец, в антропологическом повороте как парадигме исторического и культурологического знания. Так, Я. Ассман связывает феномен культурной и коллективной памяти с ситуацией «посткультуры» и конструирования исторической и культурной традиции как совокупности воспоминаний и их коммеморативной обработки [2, с. 11].

В непосредственном взаимодействии с ролью коммеморации в исторической науке выступает значимость коммеморативных практик в исторической политике, неизменно присутствующей в деятельности институтов любого государства. Историческая политика призвана создать коллективную идентичность граждан, воспитанных в духе патриотизма и уважения к отечественной истории. Такая цель в масштабе государства, безусловно, необходима и заслуживает уважения, но на пути ее реализации могут встать нарративы памяти не только отдельных категорий собственных граждан, но и соседних стран. Как сюжеты, так и оценки одних и тех же явлений в историографии различных идейных направлений и исторической традиции отдельных государств по ряду причин могут различаться. Наличие «собственной правды» в каждой национальной историографии необходимо принять как данность, не смотря на то, что это далеко не всегда содействует нахождению консен-

суса в исторической науке. Как замечает П. Рикер, его «не перестает волновать положение дел, когда в одном случае слишком много увлекаются вопросами памяти, в другом – забвения, и ни слова не говорят о значении поминания и злоупотреблением памятью и забвением. Идея о политике справедливой памяти является в этом отношении одной из главных тем» [13, с. 15]. Несмотря на неизбежность субъективности, борьбы и спекуляций вокруг проблем коллективной памяти и исторической интерпретации, «у нас нет ничего надежнее памяти, чтобы подтвердить, что вещь существовала до того, как мы оставили о ней воспоминание. Уже теперь мы можем сказать, что даже историографии не удастся поколебать осмеянное и постоянно выдвигаемое вновь убеждение о том, что последним референтом памяти остается прошлое, что бы ни означала “прошлость” прошлого» [Там же, с. 25].

Коммеморация как феномен гуманитарного знания тесно связана с *музеологией*, являющейся, в свою очередь, междисциплинарной наукой, расположенной в проблемных полях культурологии, истории, социальной психологии, педагогики, менеджмента, дизайна, а также научных областей в соответствии с профильным характером конкретного музея. Фундаментальными функциями музея как социального института являются, с одной стороны, сохранение, а с другой – трансляция социальной памяти. Музей как одно из важных составляющих исторической политики, как пространство и актор коммеморации, «место памяти» уже давно является объектом ряда соответствующих исследований. Так, говоря о коммеморативной роли музея, А. В. Смирнов указывает, что пришло время пересмотра традиционной коммуникационной модели музея, созданной Д. Камероном. Последняя рассчитана прежде всего на трансляцию смыслов, заложенных в экспозицию работниками музея. Ученый обращает внимание на специфику корпоративных музеев одновременно как средств пиара и «мест памяти». Во-первых, корпоративный музей выступает как средство связи предприятия или организации с общественностью и составляет значимую часть имиджа организации. Во-вторых, не менее важной функцией корпоративного музея является его позиционирование в качестве мемориального музея, т. е. «места памяти» [18, с. 19–20].

Наконец, феномен коммеморации – объект рассмотрения *философии*: философской антропологии, культурной антропологии, философии культуры. Примером может служить комплексное исследование памяти как философского, социального, психологического, исторического феномена в фундаментальном труде П. Рикера «Память, история, забвение» [13]. Анализируя философскую традицию в осмыслении памяти и социальную составляющую коллективной памяти, разграничивая припоминание, запоминание и целенаправленное воспоминание, исследователь отмечает: «Когда в памяти-воспоминании прошлое отде-

лено от настоящего, становится возможным отличать в рефлексии акта по поводу памяти вопрос “что”, от вопроса “как” и от вопроса “кто” [Там же, с. 45]. Данное рассуждение, которое возможно дополнить вопросом «для чего», демонстрирует практически безграничное поле исследовательских возможностей.

Таким образом, рефлексия современного состояния в области рассмотрения коммеморации как феномена гуманитарного знания выявляет огромный потенциал научных изысканий в данном направлении. Имея в качестве предметной доминанты социальную (коллективную) память, коммеморация выступает полем междисциплинарных исследований целого ряда гуманитарных наук и их направлений – от философии и антропологии до музееведения и PR-технологий. Соответственно, в исследовании коммеморации уместно применение методологического разнообразия подходов, присущих гуманитарному знанию, и поиск универсальной методологии вряд ли целесообразен и возможен.

Теоретическая разработка проблем коммеморации в настоящий момент находится на этапе интенсивного освоения и применения концепций западной культурологической и социологической мысли, но это отнюдь не отрицает необходимости и возможности создания оригинальных работ отечественных исследователей. Предметное поле изысканий в области коммеморации поистине безгранично. С одной стороны, возможно изучение индивидуальной, семейной, корпоративной, этнической, конфессиональной, профессиональной и иных видов социальной и персональной памяти. С другой – продуктивно рассматривать социокультурное наполнение коллективной памяти в исторической ретроспективе. В рамках изучения развития науки, например истории или культурологии, представляет значительный интерес анализ коммеморации в историографии или в истории культурологической мысли. Наконец, в пользу перспектив в области осмысления коммеморации и коммеморативных практик свидетельствуют такие имманентные свойства памяти, как ее безграничность, изменчивость, тотальность и неразрывная связь с существованием самого общества.

1. *Ассман, А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика [Электронный ресурс] / Алейда Ассман. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=47595&r=13. – Дата доступа: 06. 06. 2022.

2. *Ассман, Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с. – (Studia historica).

3. *Васильева, Е. О.* Коммеморация в практиках современной живописи: память о модерне и постмодерне: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24. 00. 01 / Е. О. Васильева; Волго-Вятская академия гос. службы. – Саранск, 2011. – 20 с.

4. *Иванова, Т. Н.* Юбилейные коммеморативные практики и развитие университетологии (на примере Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова / Т. Н. Иванова // Запад – Восток. – 2018. – № 11. – С. 152–160.

5. Глазко, А. Н. Антропологическое исследование похоронно-поминальной обрядности городского населения Беларуси: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / А. Н. Глазко // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 25–26 нояб. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И. В. Пинчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 85–90.

6. Грунтоў, С. У. Культура памяці беларусаў у пачатку ХХ ст.: мемарыяльны ландшафт / С. У. Грунтоў // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2022. – № 9. – С. 11–17.

7. Калачева, И. И. Историческая память в коммуникации старших и младших поколений: теоретическое измерение / И. И. Калачева, Н. В. Ефимова, И. В. Пинчук // Современная молодежь и общество : сб. науч. ст. / под науч. ред. И. И. Калачевой. – Минск, 2022. – Вып. 10. – С. 16–23.

8. Колтан, О. В. Коммеморация как инструмент формирования национальной идентичности учащихся / О. В. Колтан // Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. – Минск, 2021. – С. 222–228. – (Научные труды Республиканского института высшей школы ; вып. 21, ч. 3 : Исторические науки. Педагогические науки).

9. Миллер, А. И. Методологические проблемы изучения политики памяти – решенные, нерешенные и неразрешимые / А. И. Миллер // Методологические вопросы изучения политики памяти : сб. науч. тр. / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. – М. ; СПб., 2018. – С. 4–10.

10. Мысливец, Н. Л. Историческая память: актуальность исследования и необходимость сохранения / Н. Л. Мысливец // Беларуская думка. – 2022. – № 2. – С. 56–62.

11. Нора, П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок ; пер. с фр. Д. Хапаевой ; науч. конс. пер. Н. Копосов. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 328 с. – (Новая петербургская библиотека: Коллекция «Память века»).

12. Пивоварчик, С. А. Историко-культурное наследие и коммеморативные практики в формировании исторической памяти молодежи / С. А. Пивоварчик // Современная молодежь и общество : сб. науч. ст. – Минск, 2022. – Вып. 10. – С. 79–83.

13. Рикер, П. Память, история, забвение : пер. с фр. / П. Рикер. – М. : Изд-во гуманитар. литературы, 2004. – 728 с. – (Французская философия XX века).

14. Репина, Л. П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти / Л. П. Репина // Новое прошлое / The new past. – 2016. – № 1. – С. 82–86.

15. Романовская, Е. В. Идентичность и коммеморация / Е. В. Романовская // Власть. – 2015. – № 7. – С. 81–84.

16. Ростовская, О. М. Город как место памяти: методологический анализ / О. М. Ростовская // Ученые записки. – 2013. – Т. 15. – С. 105–110.

17. Ростовцев, Е. А. Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX–XX вв. / Е. А. Ростовцев // Клио. – 2011. – № 4 (54). – С. 89–99.

18. Смирнов, А. В. Современный музей: коммуникация или коммеморация / А. В. Смирнов // Международный журнал исследований культуры=International Journal of Cultural Research. – 2016. – № 3 (24). – С. 17–24.

19. Соколова, О. М. Коммеморативные практики в городском пространстве Беларуси: законодательный аспект / О. М. Соколова // Искусство и культура. – 2022. – Т. 45 (1). – С. 47–51.

20. Соколова, О. М. Коммеморация в городском пространстве: город как место культурно-исторической памяти / О. М. Соколова. – Минск : БГУКИ, 2022. – 490 с.

21. Соколова, О. М. Культура коммеморации: проблемы сохранения и интерпретации культурной памяти / О. М. Соколова // Культура. Наука. Творчество : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т культуры и искусств [и др.]. – Минск, 2013. – Вып. 7. – С. 548–552.

22. Соколова, О. М. Современные тенденции развития культуры коммеморации в пространстве белорусского города / О. М. Соколова // Культура Беларуси: реалии современности : X Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 7 окт. 2021 г. : сб. науч.

ст. / М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств ; редкол.: Н. В. Карчевская (пред.) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 268–272.

23. *Сульжицкий, И. С.* К обоснованию дюркгеймианской программы в современных memory studies: коммеморативный ритуал и амбивалентность памяти / И. С. Сульжицкий // Журнал Белорусского государственного университета. Социология=Jornal of the Belarusian State University. Sociology. – 2017. – № 1. – С. 64–72.

24. *Хальбвакс, М.* Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М. : Новое изд-во, 2007. – 348 с. – (А).

25. *Шуб, М. Л.* Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве : автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24. 00. 01 / М. Л. Шуб ; Челябин. гос. ун-т культуры. – Челябинск, 2018. – 43 с.

26. *Шуб, М. Л.* Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал / М. Л. Шуб // Челябинский гуманитарий. – 2015. – № 3 (36). – С. 80–86.

27. *Шуб, М. Л.* Теоретико-методологические основания культурологического подхода к осмыслению прошлого / М. Л. Шуб // Вестн. культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 61–66.

28. *Шуб, М. Л.* Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименования улиц Челябинска) / М. Л. Шуб // Обсерватория культуры. – 2018. – № 15 (2). – С. 161–169.

29. *Шуб, М. Л.* Функции культурной памяти / М. Л. Шуб // Вестн. культуры и искусств. – 2016. – № 4 (48). – С. 71–76.

30. *Шумейко, М. Ф.* Проявление коммеморативной функции личных архивных фондов историков в процессе их комплектования и научного использования (на примере документального наследия академика В. И. Пичеты) / М. Ф. Шумейко // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения акад. В. И. Пичеты / редкол.: А. Д. Король (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – С. 132–145.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 12.01.2023.